



Рисунки Г. Фитингофа.

— Нет, нет! Уэллс совершенно неправ, когда он в своей великолепной «Борьбе миров» приписывает марсианам разрешение проблемы межпланетных сообщений. Марсиане не могли прилететь на землю, так как их умственное развитие, в лучшем случае, одинаково с нашим, а мы, как известно, еще не разрешили этой проблемы. Не понимаете? А дело обстоит очень просто. Вопрос о преодолении пространства на земле разрешен людьми в окончательной форме. Все точки земного шара связаны между собою и теперь вопрос идет только о наибольшей скорости. Пространственно вся земля покорена. Какой же следующий этап для неутомимой человеческой мысли в этом направлении? Естественно — преодоление межпланетных пространств. И вам известно, что в настоящее время делаются уже решительные шаги к осуществлению этой задачи, вчерашней сказки, фантазии... «Следовательно, — раздельно продолжал говоривший, — если бы марсиане были «умнее» нас, то давно бы разрешили эту задачу и мы с вами были бы свидетелями этого фантастического визита. Нет этого — значит на Марсе живут существа (а там жизнь есть, — безусловно), которые, повторяю, в лучшем для них случае, как и мы, бьются над вопросом о полете к своим соседям, вот этим ярким звездам, что вы видите сейчас в окно. И я уверен, что только нам, людям, выпала честь такого величайшего открытия, как сообщение с планетами».

Разговор происходил в маленькой вышке, превращенной в обсерваторию. Была ночь. Свечи, горевшие на столе, протягивали свое желтое, дрожащее пламя к потолку и колебали длинные тени, затаившиеся в углах. Шипел механизм телескопа и старинные английские часы четко отбивали мерно текущие минуты.

— Но, может быть, непреодолимые препятствия мешают марсианам, при всем их умственном развитии, разрешить эту задачу? Может быть она останется неразрешенной навсегда? — возразил второй собеседник.

— Нет, нет! Для разума нет границ и препятствий. Да природа и не ставит их никогда. Нужно только искать, работать, добиваться, и если бы наши соседи сделали хоть слабую попытку завязать с нами сношения — мы знали бы об этом. Посмотрите! — говоривший сделал широкий жест в сторону окна. — В природе еще столько первобытного хаоса. Вот упала звезда. Умер мир или народился новый. Это подчинено какому-то, еще неизвестному нам, закону, но этим законом, в конце-концов, будем управлять мы — люди. Будем же добиваться, изобретать, ошибаться, платить за свои ошибки и снова строить, искать... Завтра мы с вами взойдем на голгофу изобретателей и кто знает?!.. Завтра! — вздохнул он и провел дрожащей

рукой по волосам, — увидим... увидим... Пора спать, Вирт. Полюбуйтесь немного небом и... до завтра.

Он подошел к телескопу и приник к трубе. Второй собеседник медленно остановился у окна. Очертаний земли было не видно: только темное небо да яркие звезды. Маленькая обсерватория казалась лодкой в этом воздушном океане и плыла среди тихого сияния звезд. Ночь шла, волоча свой сверкающий бархатный плащ.

Инженер Кромов был известен своими изобретениями в области воздухоплавания. Его имя стало всемирно-известным, когда самодвижущаяся ракета, пущенная им из Ленинграда, возвратилась обратно, обогнув весь земной шар. Он работал вместе с молодым немцем Виртом, который, кроме необыкновенной трудоспособности и феноменальной памяти, ничем не отличался.

В заброшенном, старом имении, вдали от населенных пунктов, Кромов и Вирт производили свои опыты. Вышку старого дома они превратили в обсерваторию, а зал, еще сохранивший на старой обшивке стен жеманный рисунок — в мастерскую.

Сразу за домом раскинулась зеленым ковром большая полянка, разрезанная пополам узкой колеями рельс, поднимавшихся к небольшой платформе. А дальше шел лес, лес без конца, и в темных его вершинах тонули мерцающие звезды.

Утро встало во всем великолепии солнца, зелени, пенья птиц и того неуловимого дыхания земли, которое живет даже камни.

Кромов — высокий, худой, похожий на карриатурного американца, встал из-за стола навстречу вошедшему Вирту.

— Сегодня я ухитрился подняться раньше вас! — улыбнулся он, протягивая руку. — Не спалось. Идите сюда.

Перед ними стоял небольшой аэроплан-авиэтка. Особенностью аппарата было то, что он весь был сделан из дерева. Со всех сторон глядели маленькие круглые окошечки. В остроумном сочетании увеличительные стекла, кинематографический аппарат и аэроплан составляли одну компактную машину, которая, благодаря целой системе особых винтов и рулей, походила на большую занятую игрушку.

Кромов влюбленно посмотрел на аппарат:

— Это мой — это наш первый межпланетный разведчик, и сегодня состоится его крещение. С этой минуты он называется КВ1 — первые буквы наших фамилий. Пусть он откроет первую страницу межпланетных полетов. Дайте вашу руку, дорогой Вирт, и клянитесь, что никакая неудача не остановит ваших дальнейших трудов, которым так обязан наш КВ1.

Вирт не мог говорить от волнения и только тряс руку Кромова. Глаза его были влажны и телячье восторженны.

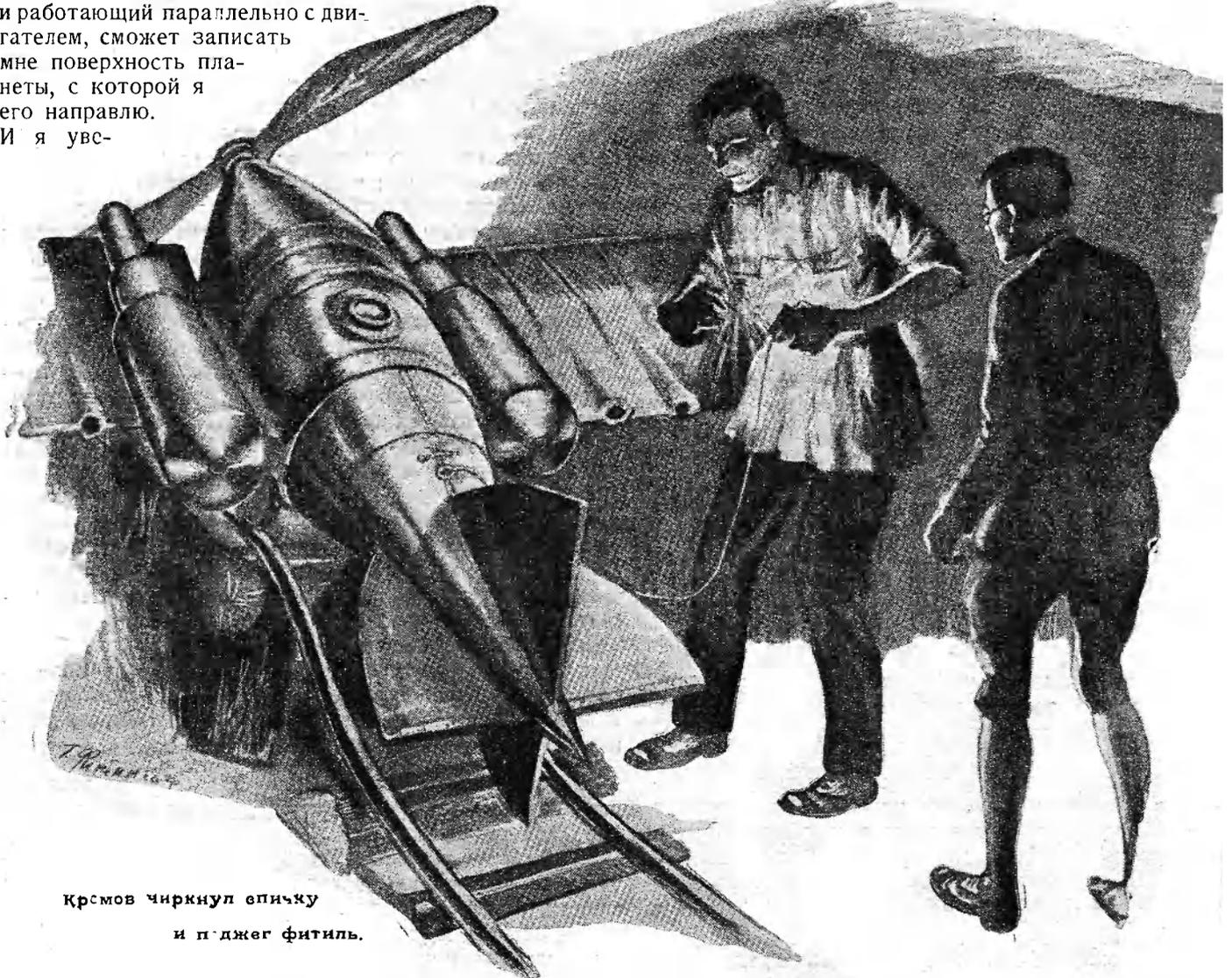
— Я... да... всю жизнь... — мог только проговорить он.

— Итак мы посылаем нашего разведчика на любую планету. Вам известно, что в этом аппарате, снабженном двигателем необыкновенной силы, находятся стекла, увеличивающие в несколько сот раз сильнее, чем самые сильные телескопы. Аппарат унесет их на высоту, о которой еще никто не имеет никакого представления, и там стекла сделают свое дело. Они «приближат» нужную мне планету на такое расстояние, что кино-аппарат, заключенный внутри и работающий параллельно с двигателем, сможет записать мне поверхность планеты, с которой я его направлю. И я уве-

поплыла параллельно полу) и затем вниз, домой, с точным докладом. — Кромов опустил руку вниз, оставив указательный палец в пол и торжествующе глядя на Вирта. — Он вернется, говорю я вам! — почти крикнул он.

— Обязательно вернется! — эхом подтвердил Вирт.

— Конечно, — опять заговорил Кромов, — он не обязательно сядет на нашу полянку, но стоит ему прикоснуться к земле, как выстрел и световой сигнал укажут нам, где он опустился. Пришлось пожертвовать частью места, но иначе мы рисковали бы потерять нашего маленького приятеля. Он вернется.



Кромов чиркнул спичку
и поджег фитиль.

рен, что эта запись будет так же отчетлива, как снимки любого кино-ателье. Он вернется обратно, мой маленький разведчик, и я, сидя здесь, получу изображение любой планеты. А потом, потом, мой милый немец, я сам выберу себе маршрут. Я буду знать, куда мне «поехать».

Кромов взъерошил волосы и, слегка понизив голос, заговорил медленно и важно, глядя на Вирта:

— Мы пустим его сегодня вечером и завтра вечером, ровно через 24 часа, он вернется. Я сделал точные вычисления, в которых нет ни малейшей ошибки, в которых предусмотрена каждая мелочь. Три года, три долгих года, изо дня в день, я проверял свои цифры и теперь утверждаю: он вернется. Сначала вверх (Кромов высоко вскинул правую руку), затем в сторону, грубо выражаясь, параллельно земле (рука плавно

и, пусть разобьется при падении, только остались бы пленки. Сегодня вечером в 8.24 мы его отправим и да поможет нам изобретательный Дедал, отец неосторожного Икара.

— Но ветер, воздушные течения, бури, — они собьют его с пути.

— Нет, Макс, нет! Он с места поднимется на такую высоту, где, я уверен, царит невозмутимая тишина. Там, недостижимый для земных бурь и ветров, он поплывет свободный и неуязвимый и выполнит свою работу. Я все предвидел, ну... а если неудача, я снова построю аппарат, снова и снова, пока не добьюсь успеха, или... не умру. Тогда вы будете продолжать наше дело. Я верю в вас. — Он замолчал, и, через секунду сделал движение, отгоняя докучные мысли: — Займемся.

Они склонились над аппаратом. В комнате стало тихо. Собеседники молчали, погруженные в работу и свои необычные мысли. Только один раз Вирт поднял голову: — Я еще не спросил вас относительно стекол. Они не обмерзнут?

Кромов только улыбнулся и Вирт успокоенно замолчал.

Вечер спустился теплый и тихий. Широкою поляну обступили белые березы, наивно трогательные, стройные, грустные.

— Алло, Макс! — слышался голос Кромова.

— Алло, алло, я здесь!

Вирт бросил работу и побежал по росной траве навстречу Кромову, катившему по рельсам аппарат, поблескивавший своими стеклами.

— Ветра нет. Это, все-таки, плюс.

Аппарат слабо качнулся и встал на место. Наступила напряженная тишина.

— Ну?! — шумно выдохнул из себя воздух Кромов, едва борясь с охватившим его волнением.

Вирт вынул часы и вопросительно посмотрел на Кромова.

— 8.15, — тихо проговорил он после паузы.

Опять тишина.

— 8.21.

Кромов чиркнул спичку и поджег фитиль. Светлячок огня побежал по шнуру. Потом — легкий взрыв. Аппарат качнуло, толкнуло вперед и, вдруг, оглушительно завыл мотор. Вихрь, пригибая к земле высокую траву, добежал до деревьев, и те удивленно зашептали. Испуганные птицы взметнулись черными тенями и ринулись в сумеречную даль.

Аппарат, слегка покачиваясь, бежал по рельсам, добежал до платформы и почти неощутимо поднялся на воздух.

Кромов стоял не шевелясь. Жизнь, казалось, оставила этого подвижного, деятельного человека и только стиснутые руки, вцепившись в борта пиджака, дрожали мелкой дрожью, да сверкали глаза, не отрывавшиеся от аппарата.

Вирт утратил свое обычное спокойствие и, что-то крича, бежал по поляне.

Теперь аппарат шел, быстро забирая высоту. Он ввинчивался в воздух с все возрастающей скоростью, и гуденье мотора постепенно переходило в глухую, низкую ноту.

Кромов, напряженный, как струна, смотрел вверх.

— Он идет, он идет, мой маленький сорванец! — бормотал он. — Ах, милый, милый Макс, в такую минуту умереть можно. А... а... красный огонь — две тысячи метров. Очень хорошо, очень хорошо, мой малютка. Bravo, bravo. Синий, синий огонь... Все. Я кажется больше не вижу его.

Он сразу как-то завял и взял Вирта под руку.

Они пошли к сонному дому, а над ними уже темнело небо и где-то высоко, высоко дрожал изумрудный огонек: аппарат находился на высоте 15.000 метров.

Дом спал. В большой мастерской Кромов упал в кресло.

— Достаньте коньяк, Макс. Выпьем за удачу и за успех. За человеческую мысль и человеческий гений. Вы понимаете, дорогой, что ведь это первая эстафета, брошенная человечеством в мировое пространство. Будет успех или нет — история межпланетных сообщений будет писаться с сегодняшнего дня.

— С 8.24 вечера, — дополнил обстоятельный Вирт.

— Сейчас он летит еще вверх, все вверх, и так

14 часов. Потом — 4 часа работы и 6 — на обратный полет. И завтра, завтра мы будем или величайшими в рядах великих, или мучениками науки, ее страдальцами, посмешищем, можете быть... Эти 24 часа ожидания ужасны. Я боюсь за свое сердце.

Они проговорили всю ночь и, засыпая под утро, Вирт слышал, как в соседней комнате Кромов ходил из угла в угол.

День вставал хмурый, с мелким дождем.

Кромов, взъерошенный, невыспавшийся, стоял у окна и медленно цедил сквозь зубы:

— Здесь так все обыкновенно. Нет, все стало другим. Где-то совершается незаметная работа, которая перестроит весь мир. А пока, пока падает дождь, шелестят деревья и цветы живут своей короткой яркой жизнью. Вы здесь, Вирт. Мне не хочется оборачиваться... Значит, сегодня...

— А если...

— Не смейте говорить. Все должно быть так, как я предполагал. Я не сделал ошибки, не сделал. Ведь долгие годы труда, какого труда! Годы опытов, от которых старишься раньше времени, горишь... Нет, нет, все будет хорошо. Только-б вот скорей шло проклятое время.

День тянулся утомительно медленно. Кромов ежеминутно глядел на часы и подолгу не сводил тяжелого взгляда с незаметно ползущих стрелок.

Надвинулся вечер.

— Через час! — сказал Вирт. Кромов побледнел и бросил книжку, которую давно вертел в руках, не понимая ни одного слова из крупного, затейливого шрифта заглавия.

— Пойдем! Я не могу больше...

Они вышли и машинально, не сговариваясь, подняли головы к светлому небу. Вуаль сумерек окутывала уже деревья и постепенно переходила на небо. Зажигались бледные одинокие звезды.

Мерно текли невозмутимые минуты. Оставалось полчаса, пятнадцать минут, десять...

— 8.23, — сказал Вирт и оба замолчали.

Ничего. Тихо. Только капли дневного дождя медленно шуршали по темным листьям.

— 8.30, — прошептал Вирт.

Ничего.

Прошло еще десять минут, мучительных, как пытка огнем.

— Нет! — прохрипел Кромов. — Не может быть. Я умру здесь, а он должен вернуться... — и вдруг, как ответ на его слова, там, далеко, где кусты сбегали к реке, прогремел глухой выстрел.

— Он! — не своим голосом крикнул Кромов, и бросился по направлению звука. Вирт едва успевал за ним.

Бежать им пришлось далеко. Кустарник ревниво скрывал свою тайну.

Обдирая руки до крови, они шарили по кустам, попадая руками в норы, спотыкаясь на пни, скрытые травой. Маленький карманный фонарь обманывал, создавая световые фантомы.

— Потушите его! — раздраженно крикнул Кромов. Вирт повиновался и сумрак стал совсем непроницаем.

Они двинулись дальше. Внезапно кусты разошлись, образуя ложбину, сбегаящую к реке. Они остановились и оба вскрикнули: у самой реки какой-то темный предмет лежал, испуская сильный фосфорический свет.

Кромов схватился за сердце и неверными скачками побежал к реке.

— Осторожно! — крикнул он Вирту, опередившему его. — Пленки...

Аппарат лежал, уйдя носом в песок. Видимо, он при падении «скапотировал». Пропеллеры были разбиты вдребезги, так же как и часть стекол.

— Пленки!.. пленки!.. Дайте фонарь! Целы!! — И Кромов опустился на песок, не то смеясь, не то рыдая.

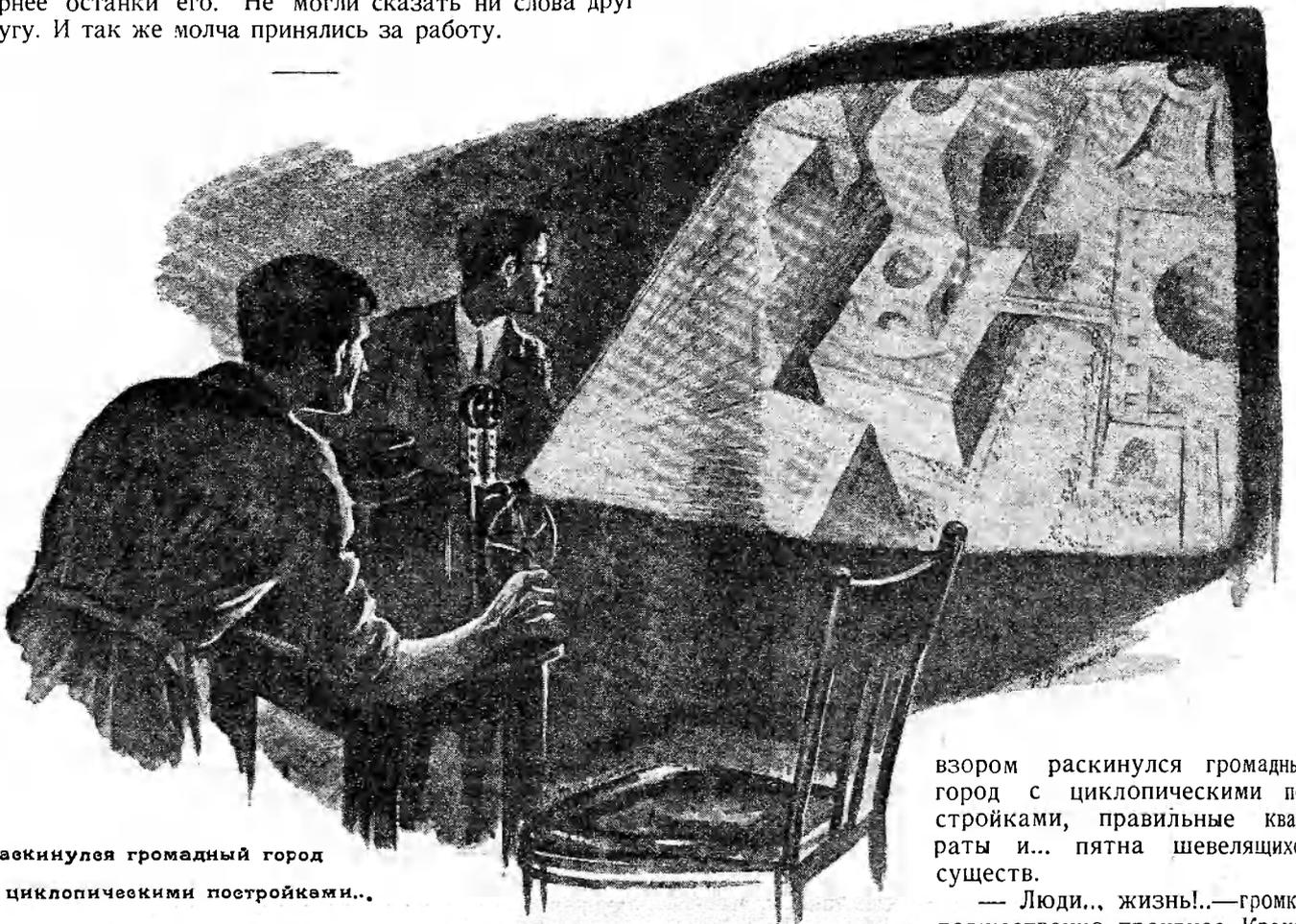
Бережно, как дорогого ребенка, они несли аппарат, вернее останки его. Не могли сказать ни слова друг другу. И так же молча принялись за работу.

Ближе, яснее и отчетливее.

И вот ясно обрисовались снеговые горы с высокими шапками, извилистые реки, темные пятна каких-то растений и свинцовая грудь моря.

Не отрываясь от картины, Кромов тяжело дышал. По лицу струились крупные капли пота.

Картина медленно разворачивалась в величественную панораму. Катилось море и перед изумленным



Раскинулся громадный город
с циклопическими постройками..

Это было очаровательное безумие. На маленьком экране мелькали звезды, крутясь в бешеном хороводе, заполняя весь экран светлыми точками. Они неслись прямо на этих двух людей, потрясенных, взволнованных выше сил, потерявших сознание действительности.

Мельканье звезд и только!

И так долго, долго и... вдруг картина так резко изменилась, что оба вскрикнули: весь экран залило сверкающее пятно, покрытое темными пятнами, как гигантскими воронками.

взором раскинулся громадный город с циклопическими постройками, правильные квадраты и... пятна шевелящихся существ.

— Люди... жизнь!..—громко, торжественно произнес Кромов и поднял руку, как бы свидетельствуя. Потом внезапно потухли горячие глаза и он упал на руки испуганного Вирта.

Тело сделалось тяжелым и безвсильным. С лица сходила гримаса боли и оно застыло в величавом покое — покое смерти.

А на экране недвижимо замерла картина, выхваченная человеческим гением из чудесной сокровищницы вселенной.

В. Левашов.